

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Общие проблемы

Научная статья

УДК 93/930

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-17-39

EDN: ADJPJL

ЭТНОГЕНЕЗ И СОЦИОГЕНЕЗ В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БАЛКАРИИ (некоторые итоги исследований)

Аслан Хажисмелович Боров¹, Елена Георгиевна Муратова²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме балкарского этногенеза, рассмотренной в контексте этнополитической ситуации на Центральном Кавказе в золотоордынский период. Проанализирован комплекс источников, проливающих свет на раннюю этносоциальную историю балкарцев: сведения персидских авторов конца XIV – начала XV в. Шараф-ад-дин Йезди и Низам ад-дин Шами, материалы академической экспедиции Г.Ю. Клапрота на Кавказ в 1807-1808 гг., этногенетические и генеалогические предания о происхождении различных подразделений балкарского народа, материалы археологических экскурсий В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского в горские общества в 1880-е гг. и др.

Подведены некоторые итоги исследований процесса этногенеза балкарцев в новейшей историографии. Подчеркивается, что процесс сложения этноса сопровождается его социально-потестарной самоорганизацией. Этот аспект этногенеза не может не учитываться при исторической интерпретации этногенеза балкарцев и сложения Балкарии как этно-социо-территориального образования. Так же как в дореволюционной и советской историографии в статье утверждается, что местом завершения процессов карачаево-балкарского этногенеза выступает высокогорье Центрального Кавказа, соответствующее балкарскому этническому ареалу более позднего времени.

Применительно к XV-XVI вв. можно говорить о стабилизации в высокогорной зоне Центрального Кавказа особого этно-социо-территориального образования, которое впоследствии стало известно окружающему миру как Балкария, и об обретении его населением совокупности признаков этноса как особой общности людей, отличной от других этносов: определенной целостной территории, общности языка, социальных связей между отдельными частями этноса, специфических черт традиционной материальной и духовной культуры.

Исследование позволило сделать вывод о том, что основные компоненты карачаево-балкарского этногенеза – автохтонный кавказский, иранский (сармато-аланский) и тюркский (болгаро-кыпчакский) находились во взаимодействии на протяжении длительного исторического времени. Однако сложение собственно балкарского этноса, локализованного в пределах исторической Балкарии, происходит только с окончанием золотоордынской эпохи.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, золотоордынский период, историография, этногенез, балкарцы.

Для цитирования: Боров А.Х., Муратова Е.Г. Этногенез и социогенез в становлении исторической Балкарии (некоторые итоги исследований) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 17-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-17-39. EDN: ADJPJL.

© Боров А.Х., Муратова Е.Г., 2025

Original article

ETHNOGENESIS AND SOCIOGENESIS IN THE FORMATION OF HISTORICAL BALKARIA (some research results)

Aslan Kh. Borov¹, Elena G. Muratova²

¹ Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

² Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of Balkar ethnogenesis, considered in the context of the ethno-political situation in the Central Caucasus during the Golden Horde period. A set of sources that shed light on the early ethnic history of the Balkars is analyzed: information from Persian authors of the late 14th-early 15th centuries Sharaf ad-din Yazdi and Nizam ad-din Shami, materials from the academic expedition of G. Yu. Klaproth to the Caucasus in 1807-1808, ethnogenetic and genealogical legends about the origin of various divisions of the Balkar people, materials from archaeological excursions of V. F. Miller and M. M. Kovalevsky to mountain societies in the 1880s, etc.

Some results of research into the process of ethnogenesis of the Balkars in modern historiography are summarized. It is emphasized that the process of formation of an ethnic group is accompanied by its socio-potestary self-organization. This aspect of ethnogenesis cannot be ignored in the historical interpretation of the ethnogenesis of the Balkars and the formation of Balkaria as an ethno-socio-territorial entity. Just as in pre-revolutionary and Soviet historiography, the article asserts that the place where the processes of Karachay-Balkar ethnogenesis ended was the highlands of the Central Caucasus, corresponding to the Balkar ethnic area of a later time.

In relation to the 15th-16th centuries, we can talk about the stabilization in the highland zone of the Central Caucasus of a special ethno-socio-territorial entity, which later became known to the outside world as Balkaria. Its population acquired a set of characteristics of an ethnic group as a special community of people: territorial integrity, common language and social ties, specific features of traditional material and spiritual culture.

The study allowed us to conclude that the main components of the Karachay-Balkar ethnogenesis – the autochthonous Caucasian, Iranian (Sarmatian-Alanian) and Turkic (Bulgar-Kipchak) – interacted over a long historical period. However, the formation of the Balkarian ethnic group itself, localized within the historical Balkaria, occurred only with the end of the Golden Horde era.

Keywords: Central Caucasus, Golden Horde period, historiography, ethnogenesis, Balkars.

For citation: Borov A.Kh., Muratova E.G. Ethnogenesis and sociogenesis in the formation of historical Balkaria (some research results). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 17-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-17-39. EDN: ADJPJL.

5

© Borov A.Kh., Muratova E.G., 2025

Введение

В российской историко-этнографической и исторической науке закрепилось представление, что этногенез карачаево-балкарцев принадлежит к числу наиболее сложных проблем. Эта сложность отразилась, прежде всего, в многообразии предложенных версий ее решения [Материалы... 1960]. Но и утвердившаяся впоследствии ее консенсусная трактовка включает в себя представления о множественности этнических корней и компонентов сложения этноса, а также неполную согласованность его культурно-языковых и антропологических признаков [История народов... 1988: 196; Герасимова 2013]. Большинство интерпретаций имеет в качестве концептуального ядра решение вопроса о тюркоязычии карачаево-балкарцев: утверждения об изначальном тюркоязычии их предков, приоритет болгарского либо кипчакского компонента в сложении карачаево-балкарского языка. При этом стирается грань между двумя частями исследования единого процесса этногенеза, на которые справедливо, на наш взгляд, указывал М.В. Крюков:

«Первая из них связана с выявлением этнических корней всех компонентов, принимающих участие в формировании будущего народа; вторая ставит своей целью конкретно проследить основные этапы сложения его специфического лица, в первую очередь этнического самосознания как ведущего признака этноса» [Крюков 1988: 60].

Концентрация внимания на «выявлении корней» оставляет в тени конкретику завершающих этапов этногенеза, когда и оформляется окончательно «специфическое лицо» этноса, тот его облик, которым он становится известен миру. Кроме того, большинство работ, так или иначе затрагивающих проблематику происхождения балкарского народа, не соотносит конкретный материал с целым рядом других положений теории этноса, разработанной в рамках отечественной научной традиции [Бромлей 1988]. Приведем краткий перечень тех из них, которые кажутся нам релевантными для темы данной статьи:

– этногенез подразумевает не воспроизводство изначальных этнических компонентов (корней), а формирование нового этнического образования, отличающегося своим специфическим «этническим лицом» не только от других этнических образований, но и от своих предков;

– основной показатель завершения этногенеза – появление отчетливого этнического самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания;

– в процессе этногенеза и этнической истории можно выделить определенные критические точки, ориентиры, по которым ретроспективно прослеживается становление нового этнического качества, исходя из конечных результатов этногенеза;

– этносы представляют собой одну из разновидностей социальных общностей, и собственно этнические явления в конечном счете обусловлены явлениями социально-экономическими;

– определенная форма социально-территориальной организации является одним из важнейших условий устойчивого существования и нормального развития этнической общности [Козлов 1967: 111; Козлов 1969: 36; Чистов 1972: 77; Крюков 1976: 63; Бромлей 1983: 20; Бромлей 1988: 49; Волкова 1985: 23-24].

Представляется, что переход от идентификации этнических корней всех компонентов, принимавших участие в формировании балкарского народа, к конкретно-исторической реконструкции процессов сложения его специфического этнического облика и этнического самосознания без опоры на приведенные выше положения теории этноса был бы весьма затруднительным. Такой переход необходим хотя бы в рамках обобщающей истории региона.

Цель предлагаемой статьи заключается в попытке подведения основных итогов изучения процесса сложения балкарского народа и образования Балкарии как этно-социо-территориальной единицы в единстве этнических и социально-потестарных аспектов этого процесса с перспективой интеграции этно-национальных исторических нарративов в состав регионального, Кабардино-Балкарского исторического нарратива. Речь идет о попытке не столько *реконструкции*, сколько *конструирования* эмпирически и теоретически фундированного, целостного и внутренне непротиворечивого представления реального исторического процесса в пространстве Центрального Кавказа / исторической Кабардино-Балкарии.

Авторы уже завершали работу над рукописью этой статьи, когда до них дошла горестная весть о кончине Валерия Муратовича Батчаева. Тот, кто прочитает статью, увидит, насколько важно для нас его видение рассматриваемой здесь проблемы, а вошедшие в статью отдельные положения из его работ покажут, насколько профессионально и глубоко он владел ее предметом. На наш взгляд, полученные им результаты сохранят свое непреходящее значение для науки на многие годы вперед. Мы хотели бы посвятить свою скромную работу светлой памяти выдающегося исследователя истории Балкарии Валерия Муратовича Батчаева.

Результаты

При подготовке к путешествию Г.Ю. Клапрота по Кавказу и Грузии в 1807-1808 гг. перед ним был поставлен ряд вопросов в качестве инструкций. В частности, А.Х. Лерберг, тогда адъютант, а впоследствии академик Императорской академии наук предложил для выяснения следующее:

«6. К наиболее странным жителям гор относятся карачаевцы, балкары и чегемы; говорят, что это татарские племена... Являются ли они древнейшей ветвью монголизированных татар или это остатки гуннов, прежних жителей этой страны, которых Константин Порфиросный называет цихи; возможно также, что это остатки половцев, и Гюльденштедт совершенно неправильно принимает их за осетин...» [Осетины глазами... 1967: 106-107].

Ответ на этот вопрос, содержащийся в опубликованных на русском языке работах Г.Ю. Клапрота, сводится к следующему. Татарские племена обитают в сланцевых и известняковых горах близ истоков рек Кубань, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и Аргудан. Черкесы именуют их татар кушха, а грузины басыанами. Имя басыанов, которое не включает в себя карачаевцев, произошло от главного среди них рода, у которого осетинское происхождение. Раньше они жили в степях реки Кумы, их столица была Маджары. В результате войн они отступили в теперешние свои места, и по имени реки Малки, где остановилась часть из них, назвались малкары или балкары [Клапрот 1974: 244; Клапрот 2008: 160].

В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, обозначив балкарцев как «небольшое племя татарского происхождения», считали интересным в историческом отношении вопрос:

«к какому времени относится поселение татар в этих местах, кого застали они на новой родине, в какие отношения стали к туземцам и, наконец, откуда шла колонизация горных ущелий»? [В горских обществах... 1884: 540-541].

Свой ответ на него, как, впрочем, и Г.Ю. Клапрот, они строили на местных преданиях о давнем пришествии предков нынешних балкарцев из Маджар. Отвергая отождествление маджар с венграми, они предполагали, что речь может идти о населении хазарского города Маджар. А имя *балкар*, по их мнению, это один из видов имени *болгар*. Туземное же население «нынешней Балкарии» В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский считали осетинами, основываясь, главным образом, на языковых данных. Относительно Балкарского общества (Черекского ущелья) они отметили:

«Все предания указывают на то, что эта местность, некогда заселенная осетинами-дигорцами, раньше других приняла татарское поселение, и что из нее уже пошло дальнейшее движение в ближайшие долины на северо-запад» [В горских обществах... 1884: 553, 554].

Советская историография усматривала в совокупности данных письменных источников, лингвистики, археологии и этнографии определенные основания полагать, что одним из главных компонентов в процессе сложения карачаевского и балкарского народов стала та часть кыпчаков, которая под натиском татаро-монголов ушла в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Предполагалось, что кыпчаки в предшествующий период ассимилировали остатки болгар и других тюркоязычных племен огузской группы. Субстратным компонентом этногенеза стали местные автохтонные племена горной зоны Центрального Кавказа и ираноязычные аланы, которые ранее и одновременно с кыпчаками оказались оттеснены в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Эмпирическую основу отождествления субстрата балкарского этногенеза с аланами или осетинами-дигорцами составили многочисленные балкаро-осетинские сходства в языке, топонимике, материальной и духовной культуре, зафиксированные еще В.Ф. Миллером [Миллер 1883; В горских обществах... 1884]. Кроме того, определенный отпечаток на процесс этногенеза карачаево-балкарцев наложили тесные контакты и

взаимовлияния с соседними кавказскими народами в последующие периоды на протяжении всего позднего средневековья [История народов... 1988: 196].

Завершающую фазу карачаево-балкарского этногенеза связал с XIII в. Л.И. Лавров в публикации 1959 г. [Лавров 2009]. Исходя из того, что язык и этнографические материалы свидетельствуют о происхождении балкарцев и карачаевцев от тюрок, обитавших на Северном Кавказе до нашествия монголов, он ставил вопрос о времени их проникновения в горы центральной части Северного Кавказа. Л.И. Лавров полагал, что поздние датировки (XVI или XVII в.) опровергаются грузинской надписью на кресте из сел. Цховати (Ксанское ущелье в Южной Осетии), которая сообщала об области «Басиан» и датировалась тогда XIV-XV вв. А термином «басиани» грузины обозначали балкарцев Черекского ущелья. С другой стороны, до XIII в. нынешней Балкарией прочно владели аланы, а непосредственно после монгольского нашествия предгорьями Центрального Кавказа овладели кабардинцы. Наиболее вероятным оказывалось, по Л.И. Лаврову, предположение, что предки балкарцев и карачаевцев появились в горах не до и не после монгольского нашествия, а во время его. Это была, вероятно, та часть половцев, которая бежала в горы после разгрома их монголами в 1222 г. и смешалась там с аланами [Лавров 2009: 238-239]. В таком виде вопрос освещался в академических историях КБАССР (1967) и народов Северного Кавказа (1988) [История Кабардино-Балкарской... 1967: 72-75, 86; История народов... 1988: 196]. Завершение этногенеза, т.е. сложение карачаево-балкарской культурно-языковой общности, локализовалось, таким образом, в зоне ущелий Центрального Кавказа и совпадало с процессом становления исторической Балкарии как этно-социо-территориального образования. В «Историю народов Северного Кавказа» вошло положение о том, что «карачаево-балкарская народность сложилась в XIII–XIV вв.», и в это время «они обитали не только в высокогорной, но и в предгорной зоне» [История народов... 1988: 237, 190]. На карте расселения народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв., помещенной в «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», адыги (Кабарда) и карачаево-балкарцы показаны занимающими те территории, на которых они были известны в XVI-XVII вв. (См. Рис.1).

только ввиду их подавляющего численного превосходства, но и вследствие периодического притока в аланскую среду тех групп половецкого населения, которые, лишившись в степи скота и пастбищ, захваченных монголами, вынуждены были переходить к оседлости [Батчаев 1980: 95]. Решающую роль в окончательной тюркизации алан он отводил полуторастолетнему пребыванию плоскостных алан в составе Золотоордынского государства с его половецким языком и преобладающим половецким населением. Отсюда – трактовка В.М. Батчаевым наименования «маджарцы», которым в преданиях балкарцев, карачаевцев и дигорцев обозначается население, оттесненное в послемонгольскую эпоху из предгорий в высокогорную зону. В устной традиции оно относилось к населению степного Предкавказья со «столицей» под названием Маджары (крупнейший в регионе административный центр XIII-XIV вв., располагавшийся на месте нынешнего г. Буденновска). Тюркизация и смешение остатков прежнего аланского населения с половцами привело к постепенному формированию нового, генетически двуприродного «протоэтнуса» и переносу на него наименования «маджарцы». Именно эти оседлые маджарцы предгорий (т.е. преимущественно тюркизированные аланы), а не маджарцы-степняки (т.е. половцы) и проникли впоследствии в горы Балкарии [Батчаев 2006: 126-127].

В публикации 2012 г. И.М. Чеченов рассматривал этнополитическую ситуацию в зоне «высокогорья и среднегорья от Дигории в Северной Осетии до рр. Зеленчуки и Лаба западнее окраин Карачаево-Черкесии, включая и район Пятигорья» [Чеченов 2012: 403]. По его оценке, здесь еще задолго до появления армии Тимура в конце XIV в. более или менее отчетливо выделялись три этнополитических объединения или образования: а) западное («приэльбрусское»), ограниченное в основном в пределах междуречья верховьев Кубани, Кумы и Баксана; б) центральное («восточно-балкарское»), приблизительно занимавшее земли к востоку от верховьев Баксана до самых верхних левых притоков Терека близ западных границ Дигории в Северной Осетии (рр. Лескен, Хазнидон, Урух); в) восточное («дигорское»), территориально в значительной степени соответствующее, вероятно, современной Дигории. Их правителями и были, видимо, известные по сведениям Йезди и Шами, Буриберди и Буракан (западное объединение), Тауса и Кулу (центральное), Пулад (восточное). Что касается этнического состава их населения, то ссылаясь на сведения Абу-л-Фиды (1273-1331) о тюркоязычии алан, данные археологии, антропоники, топонимики и др., И.М. Чеченов полагал, что жители западного («приэльбрусского») и близкородственные им группы населения центрального («восточно-балкарского») объединения не позднее золотоордынского времени (вторая пол. XIII-XIV вв.) говорили в своем подавляющем большинстве на кыпчакском языке, мало отличающемся от современного языка балкаро-карачаевцев. Исходя из этого, он считал возможным алан и асов, относящихся по сведениям авторов конца XIII – начала XIV в. к «тюркской расе» (Абу-л-Фиды) или упоминавшихся в связи с нашествием войск Тимура (Шами, Йезди), назвать балкаро-карачаевцами, окончательно сформировавшимися как средневековая народность [Чеченов 2012: 403-404]. В этом пункте он по существу солидаризировался с положениями ранее высказанными Е.П. Алексеевой, которая также находила возможным говорить с рубежа XIII-

XIV вв. о карачаево-балкарской народности, занимавшей территорию у отрогов Эльбруса, на которой карачаевцы и балкарцы жили и позднее (ущелья Карачая и Балкарии), тогда как «более северные предгорные районы с рубежа XIII-XIV вв. были заселены адыгами» [Алексеева 1971: 173].

Авторы посвященного карачаевцам и балкарцам тома из серии «Народы и культуры» пишут, что с очередным притоком тюркоязычного населения в IX в. в район Центрального Предкавказья, включая предгорную и горную его части, начинают формироваться основные признаки новой этнической общности на территории самой западной части Аланского царства.

«Постепенное объединение тюркоязычного и тюркизированного к этому времени населения привело к образованию уже в X в. древнекарачаево-балкарской этнической общности» [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 37].

Согласно их концепции, ко времени монгольских завоеваний карачаево-балкарское общество находилось на стадии феодальной раздробленности, выразившейся в появлении самостоятельных удельных княжеств и владений от р. Уруп до р. Урух [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 7]. В связи с нашествием Тимура в конце XIV в. авторы этого издания пишут, что Тимур «вторгся на территорию Карачая и Балкарии», не делая уточнения, идет ли речь о современной их территории; о зоне среднегорья и высокогорья в пространстве от Урупа до Уруха, как это делает И.М. Чеченов; или обо всей этой территории, включая равнинную и предгорную ее части. Как итог нашествия отмечается «резкое сокращение населения Карачая и Балкарии, прекращение существования большого числа поселений». А для первой половины XV в. констатируется стагнация социально-политического развития Карачая и Балкарии, которая была вызвана не только последствиями нашествий ордынцев, а также полчищ Тамерлана, но и эпидемией чумы во второй четверти XV в., углублением феодальной раздробленности и дроблением существующих княжеств на более мелкие самостоятельные владения [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 39, 40].

Общим для обозначенных выше трех точек зрения является то, что решающее значение в процессе карачаево-балкарского этногенеза придается тюркизации населения (автохтонного или аланского) Центрального Кавказа в домонгольское или золотоордынское время. У И.М. Чеченова и авторов тома «Карачаевцы. Балкарцы» она трактуется как завершённый процесс становления нового этноса, а у В.М. Батчаева только как фаза этногенеза балкарцев, возникновение некоего протоэтноса. Это суждение представляется более взвешенным и реалистичным. Тюркизация здесь могла означать не появление нового тюркоязычного этноса, а скорее ассимиляцию прежнего ираноязычного населения половцами-маджарцами. Этим и объясняется перенос на него этнонима «маджар» [Батчаев 1988: 170-171].

Тюркизируемое аланское население могло обрести новую идентичность при условии его обособления от половецко-маджарской массы в рамках самостоятельного потестарно-политического образования. В теоретической этнографии признано, что процесс сложения этноса сопровождается его социально-

потестарной самоорганизацией [Бромлей 1983: 176-177; Куббель 1988: 170-171]. Этот аспект этногенеза не может не учитываться при исторической интерпретации этногенеза балкарцев и сложения Балкарии как этно-социо-территориального образования. На первый взгляд, он присутствует в утверждении авторов издания «Карачаевцы. Балкарцы» о существовании ко времени монгольского нашествия удельных княжеств Карачая и Балкарии и в тезисе И.М. Чеченова о «приэльбрусском» и «восточно-балкарском» этнополитических объединениях, сложившихся задолго до конца XIV в. Однако и в том, и в другом случае существует проблема источников, на которых основаны указанные положения. Авторы первой из упомянутых выше публикаций не ссылаются на какие-либо источники, и их построение выглядит сугубо умозрительным. Гораздо более обоснованной представляется версия И.М. Чеченова. Но используемые им источники пока не получили в литературе однозначную интерпретацию [Ртвеладзе 1976: 113-114; Колесникова, Бабенко 2023; История Осетии... 2019: 328].

Еще важнее другие обстоятельства. Сомнительной представляется возможность существования территориально-политически оформленных карачаево-балкарских этносоциальных единиц в рамках аланского царства X-XII вв. То же самое относится к выделенным И.М. Чеченовым «этнополитическим объединениям», когда продолжала существовать улусная система Золотой Орды. В литературе признано, что в 1380-1395 гг. Тохтамыш объединил под своей властью практически всю бывшую территорию Джучиева Улуса [Селезнев 2009: 5-6]. В административно-территориальной структуре Золотой Орды XIII-XIV вв. исследователи числят улусы, охватывавшие и территорию Центрального Кавказа (См. Рис. 2). Кавказские предгорья были включены в число административно-территориальных единиц (улусов), находившихся под управлением монгольской служилой аристократии (темников, тысячников, сотников) [Воротынцев 2023: 51-53].

Источники, описывающие действия Тимура на Северном Кавказе, не позволяют сделать окончательный вывод, скажем, о природе того, что их авторы называют «области эльбурзцев», а равно о самостоятельном или автономном владельческом статусе упоминаемых ими военных предводителей Буракана, Буриберди, Кулу и Тауса.

В «Книге побед» Низам-ад-дина Шами, составившейся с 1401/1402 г., какие-либо титулы указанных персоналий не упоминаются. В тексте источника, говорится только об их крепостях, которые «были на вершинах гор, а дороги (к ним) крайне трудны и тяжелы». Локализуются они в «области Иркувун»:

«Тимур выступил оттуда, намереваясь идти на Пулада. По дороге он один день простоял в местности Балкан, снова выступил и дошел до Пулада» [Тизенгаузен 1941: 122].

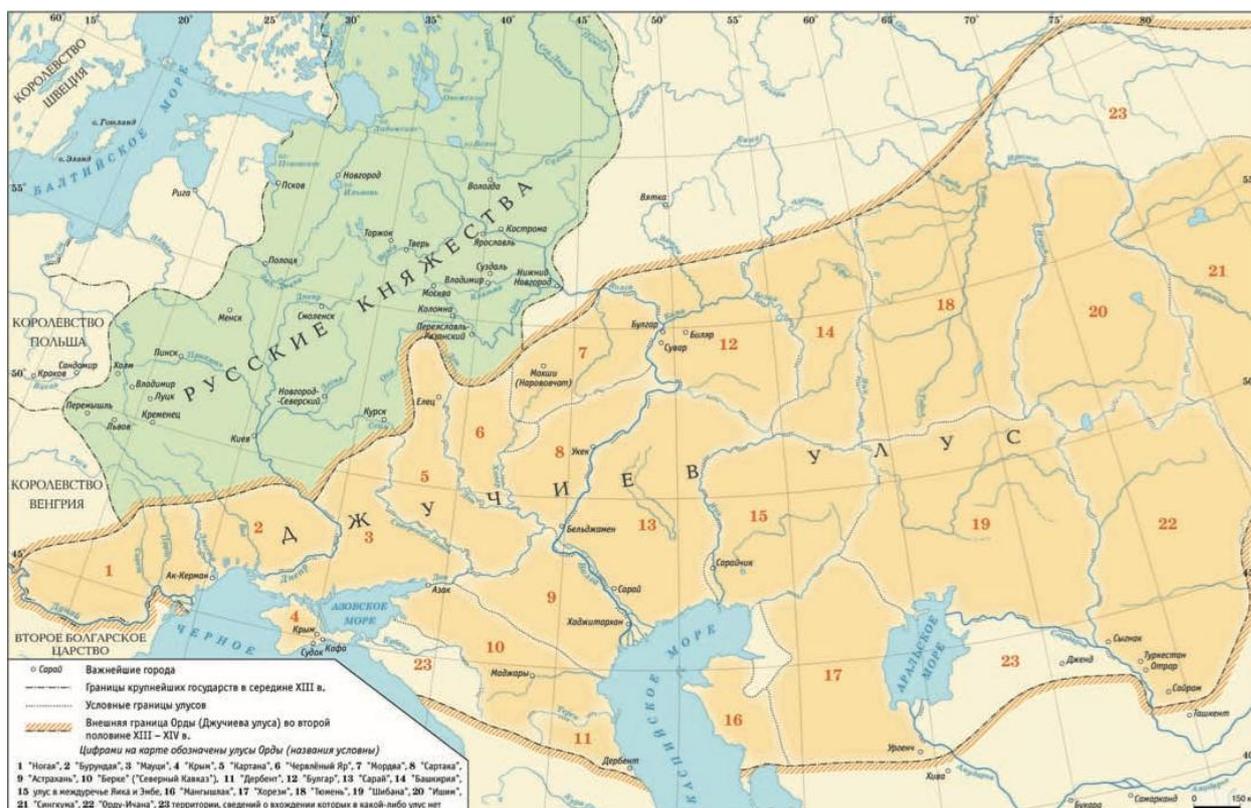

Рис. 2. Административно-территориальное деление Золотой Орды XIII-XIV вв. Источник: [Селезнев 2012: 124].

«Книга побед» Шереф-ад-дина Йезди, написанная на основе сочинения Шами, хроник и устных сообщений и законченная в 1424/1425 г., повествует, что Тимур, успокоившись «от дел с областью русских и черкесов», повернул к горе Эльбурз и направил войско на Буриберди и Буракана, «который был *правителем* народа асов». О Кулу и Тауса говорится, что они также «принадлежали к племенам обитателей Эльбурза» и были «*предводителями* той крепости» («крепости Кулы и Тауса»). Овладев ею, войска Тимура «умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней» [Тизенгаузен 1941: 181, 182].

Но описание разрушительных последствий военных рейдов Тимура на Центральном Кавказе в источниках оставляет безусловное впечатление, что его нашествие имело своим результатом некий разрыв преемственности в этносоциальном развитии ближайших предков балкарцев. Эволюционный процесс этноязыковой миксации в предгорьях и горах Центрального Кавказа был прерван, потестарно-политические структуры, возможно, находившиеся в процессе становления, были разрушены, людские потери в предгорной и горной зонах носили катастрофический характер. После всех этих событий этнические процессы, ведущие к образованию балкарского народа, начались как бы заново в верховьях ущелий Центрального Кавказа с участием небольших по численности групп.

Соответственно этому, В.М. Батчаев развел процесс тюркизации плоскостных алан и становление собственно балкаро-карачаевской народности, происшедшее уже после нашествия Тамерлана, в результате которого подавляющее большинство кочевых половцев было рассеяно по степи, уничтожено или

уведено Тамерланом в Мавераннахр. На прежних местах – на плоскости – остались лишь аланы, ставшие уже тюрками по языку и частично по культуре, и, возможно, какая-то незначительная часть оседлых половцев:

«С появлением на данной территории кабардинцев (конец XIV – начало XV в.) часть алано-тюрков, вероятно, была ассимилирована ими, другая же, заселив ущелья Центрального Кавказа, положила начало уже собственно балкаро-карачаевской народности» [Батчаев 1986: 130-132].

Расселение тюрков в горах (будь это оседлые половцы или отюреченные аланы) в начале XV века уже не могло встретить особого противодействия со стороны местного населения, полагал В.М. Батчаев. Во-первых, в результате карательных походов Тамерлана население горных районов катастрофически сократилось и, следовательно, проблемы перенаселения быть не могло. Во-вторых, в значительном своем большинстве пришельцы, вероятнее всего, были те же аланы, хотя и перешедшие на тюркскую речь [Батчаев 1986: 133]. Концепцию В.М. Батчаева в новейшей публикации поддержал Х.-М.А. Сабанчиев. Согласно ей, из смешанного алано-кипчакского населения плоскостной Алании сформировался новый «проэтнос» («маджары» устной традиции народов региона), который обитал в предгорьях вплоть до появления кабардинцев на Центральном Кавказе, а затем продвинулся в высокогорную зону, где ассимилировал остатки горных алан [Батчаев 1988; Батчаев 1992; Сабанчиев 2017: 71-72].

В работе 2006 г. В.М. Батчаев более детально рассмотрел отражение проблемы в этногенетических и генеалогических преданиях балкарцев. Население, оттесненное в послемонгольскую эпоху из предгорий в высокогорную зону, фигурирует в них под наименованием «маджарцы», а ассимилированные маджарцами группы местного горского населения известны в устной традиции балкарцев под названиями «таулу», «ференки», иногда «сваны» [Батчаев 1988: 171]. В.Ф. Миллер зафиксировал со слов эфенди Абаева в 1880-х гг. следующее представление об этническом составе местного населения, когда Басиат поселился «около нынешнего аула Кунюм, на левом берегу Черка»:

«В нынешнем Кунюме жили в то время выходцы из Сванетии Таулу (мн. ч. Таулулар). Басиат подчинил их себе и обложил данью. Кроме Таулу, туземное население состояло из Осетин-Дигорцев и других ранних пришельцев» [Материалы... 1888: 79].

Предложенная В.М. Батчаевым этническая идентификация этих групп населения выглядит следующим образом: инфильтрация какой-то небольшой части сванов на северные склоны Кавказского хребта в XV в. вполне вероятна, а документальные свидетельства наличия здесь сванского этнического элемента начинают появляться уже в XVI столетии; «ференки» не обязательно европейцы, это могла быть часть местного населения, крещенная миссионерами из Западной Европы; «таулу» могут представлять собой первую, наиболее раннюю волну маджарцев, но, возможно, это остатки домаджарских тюрков (в других местах В.М. Батчаев говорит о горноаланской знати, о горноаланском компоненте этногенеза осетин и балкаро-карачаевцев, не упоминая их тюркоязычия, а еще ранее в

работе 1988 г. он писал о двух группах аланского этноса – тюркоязычных алано-маджарцах и ираноязычных аборигенах высокогорья алано-дигорцах) [Батчаев 1988: 171]. В дальнейшем «взаимное смешение рассмотренных выше групп привело к окончательному оформлению этнической самобытности балкарцев», – заключает В.М. Батчаев [Батчаев 2006: 125-127, 133].

При таком подходе оказываются существенными этнические процессы, протекавшие не только и не столько на равнине или в предгорьях, сколько именно в этом высокогорном ареале – возможная иранизация посткобанского населения в результате инфильтрации сюда алан и последующая тюркизация горно-аланского населения в результате инфильтрации тюркоязычных групп (тюркизированных алан и/или половцев). Таким образом, так же как в дореволюционной и советской историографии местом *завершения* процессов карачаево-балкарского этногенеза выступает высокогорье Центрального Кавказа, соответствующее балкарскому этническому ареалу более позднего времени. Такое понимание представляется соответствующим сути рассматриваемого вопроса. Чтобы тюркизация какой-то группы населения привела к образованию *новой*, в данном случае – карачаево-балкарской этнической общности, а не к ассимиляции, не к поглощению тюркоязычным большинством, это население должно было бы оставаться в достаточной степени изолированным от кыпчакского массива степей и предгорий Центрального Кавказа.

Но эта относительная изоляция имела существенное значение для оформления, стабилизации и обеспечения непрерывности воспроизводства социально-потестарной организации горского общества. Анализ взаимосвязанного процесса становления этнического и социального профиля ранней Балкарии осуществляется в литературе на материале этногенетических и генеалогических преданий. Первые публикации такого рода принадлежат В.Ф. Миллеру и М.М. Ковалевскому [Миллер 1883; В горских обществах... 1884]. Следует заметить, что предания говорят о происхождении не народа в целом, а только отдельных горских обществ, прежде всего, балкарского (в Черекском ущелье) и чегемского. Приведем в изложении М. Абаева основные элементы «предания об образовании самого древнего общества "малкар"», как формулирует сам автор [Абаев 1992: 6].

1. Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в ущелье реки Черек один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там, на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя "таулу" (в переводе – горец). Малкар решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не нравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне.

2. Однажды в горы явился неизвестный человек по имени Мисака и стал гостем Малкаровых, которых в это время было 9 братьев, взрослых мужчин, и единственная их сестра. Гость и сестра Малкаровых влюбились друг в друга, но гордые братья Малкаровы не согласились на брак единственной любимой своей сестры с пришельцем неизвестного происхождения. Дело кончилось тем, что Мисака убил всех братьев по сговору с их сестрой.

3. Женившись на Малкаровой, Мисака завладел землею и другим имуществом Малкаровых, привел туда из плоскости и других людей и начал притеснять мирных тружеников таулу, которых, в конце концов, превратил в своих данников. Потомки Мисака (Мисаковы) значатся теперь в числе балкарских таубиев, а потомки рода таулу составляют теперь жителей поселка Сауты: они до освобождения в горах крестьян назывались "джасакчи", т.е. данники.

4. Через некоторое время после этих событий в ущелье, получившее уже название «Малкар», является воин по имени Басиат верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия. Басиата сопровождали люди, которые ему прислуживали. В изложении В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского, Мисака сам пригласил Басиата, при котором он «в Маджарии состоял узденем», но обусловил это тем, что теперь они будут иметь равный статус [В горских обществах... 1884: 554]. Басиат производит сразу такое сильное впечатление на малкарцев, что они добровольно подчиняются ему, но он сохраняет права Мисаковых по отношению к таулу.

5. Потомки Басиата ныне составляют фамилии таубиев Балкарского общества: Абаевы, Жанхотовы, Айдебуловы и Шахановы. «Так образовалось "Малкар-эль", т.е. Балкарское общество», – заключает М. Абаев, – переходя далее к описанию «организации управления народом, созданной родоначальником таубиев Басиатом и существовавшей до введения нынешнего положения об управлении аульными обществами, т.е. до 70-х годов прошлого столетия (XIX в. – А.Б., Е.Г.)» [Абаев 1992: 6-8].

Другое, но очень похожее предание, рассказывающее о происхождении таубиев Балкаруковых от потомков выходца из Абдзехии Анфако, истребивших местный княжеский род Рачикаовых, бытовало в чегемском ущелье [В горских обществах... 1884: 562-568]. В.М. Батчаев высказал мнение, что Верхне-Балкарское и Верхне-Чегемское повествования – это не два различных предания, а две локальные версии одного и того же предания. Одинакова и социальная суть описанных в нем событий – борьба нарождающейся местной (горноаланской) знати с пришлой, маджарской, победа маджарцев и подчинение ими горцев. В.М. Батчаев целиком и полностью принимает интерпретацию В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского, которые считали предания о Басиате и Анфако отражением реальных событий, связанных с борьбой феодальных династий и становлением в Балкарии новых, относительно более развитых форм социальных отношений, а именно – утверждения феодализма как социальной формации [Батчаев 2006: 128, 129, 130; Батчаев 1988: 174].

Интерпретация этногенетических и этноисторических процессов в Балкарии сквозь призму становления отдельных обществ (этносоциальных организмов), локализованных в разных ущельях, вновь актуализирует вопрос: протекали ли эти процессы одновременно и независимо друг от друга или имело место их последовательное освоение. Научная традиция толкования этого вопроса, основанная на местных преданиях, была заложена В.Ф. Миллером, писавшим:

«Нет возможности точно определить, в какое время татары заняли верховья Черека, Чегема и Баксана; но местные предания указывают, по крайней мере, на то, что занятие этих мест

шло последовательно с востока на запад. Самое раннее татарское население было на р. Черек, где живет Балкарское общество. Отсюда впоследствии заняты были верховья Чегема и Баксана. Основатель самого позднего горского общества, предок Урусбиевых, был выходцем из аула Безенги. Таким образом, татарская колонизация от пределов дигорцев-осетин (на реке Урух) достигли на западе Эльбруса, близ которого живет Урусбиевское общество» [Миллер 1883: 200].

М. Абаев еще раз подтвердил в своем очерке «Балкария», что общество «малкар» в Черекском ущелье почитается народом как «самое древнее» [Абаев 1992: 6]. Современная научная литература подтверждает эти положения:

«Освоение межгорных котловин шло последовательно с востока на запад. Самое раннее балкарское поселение зафиксировано в ущелье реки Черек, отсюда впоследствии заняты были верховья Чегема и Баксана» [Муратова 2007: 362].

Разумеется, и кроме народных представлений есть признаки, свидетельствующие о том, что именно Балкарское общество Черекского ущелья было «материнским» для остальных обществ (наиболее ранняя известность окружающему миру; независимость и высокий статус, на которые претендовали его владельцы; особый авторитет и апелляционные функции местного суда). По оценке специалистов, характер и направление миграции косвенно подтверждается и расчетами плотности населения [Муратова 2007: 362].

Но для наших целей важнее как раз вопрос о времени образования, будь то первого, или всех одновременно балкарских обществ. Согласно изложенной выше концепции Е.П. Алексеевой и И.М. Чеченова, уже с конца XIII в. можно говорить о сложившейся карачаево-балкарской народности, занимавшей всю ту территорию, на которой их знали в дальнейшем (ущелья Карачая и Балкарии) [Алексеева 1971: 173; Чеченов 2012: 403-404]. Часть исследователей вслед за Л.И. Лавровым в качестве наиболее раннего упоминания о Балкарии (Балкарском обществе Черекского ущелья) рассматривает грузинскую надпись на кресте из церкви с. Цховати, обнаруженную в свое время Е.С. Такайшвили [Такайшвили 1915: 104-106]. В ней шла речь о том, что Ксанский эристав Ризия Квенипневели попал в плен в Басиане и был выкуплен на средства Цховатской церкви. Сам Е.С. Такайшвили, не выражая никаких сомнений, определял «Басиан» из этой надписи как «провинцию у верховьев Аракса», но Л.И. Лавров считал это ошибкой, поскольку «старая грузинская литература» называет басианами тюркоязычное население Восточного Черка (Вахушти и документы начала XIX в.); Ксанское ущелье гораздо ближе к Черекскому, чем к аракскому Басиану; частые военные столкновения жителей Ксанского ущелья с горцами центральной части Северного Кавказа были реальным историческим фактом [Лавров 2009: 59]. Е.С. Такайшвили датировал надпись, выполненную алфавитом мхедрули, в широких рамках XIV-XV вв. [Такайшвили 1915: 105]. Эту датировку принял Л.И. Лавров, и она на определенное время закрепились в литературе. В дальнейшем было показано, что описанное в надписи событие не могло иметь места в XIV в., поскольку среди Ксанских эриставов этого столетия не было человека с именем Ризия. По последним уточненным данным надпись датируется XV веком. Что

касается хронологии событий, описываемых в генеалогических преданиях, то, по В.М. Батчаеву, они приходятся преимущественно на XV-XVI столетия [Батчаев 2006: 133, 134].

Таким образом, применительно к этому периоду можно говорить о стабилизации в высокогорной зоне Центрального Кавказа особого этно-социо-территориального образования, которое впоследствии стало известно окружающему миру как Балкария, и об обретении его населением совокупности признаков этноса как особой общности людей, отличной от других этносов: определенной целостной территории, общности родного языка, социальных связей между отдельными частями этноса, специфических черт традиционной материальной и духовной культуры [Признаки этнические 1995]. Фундаментальной предпосылкой формирования этно-социальной и этнокультурной индивидуальности балкарского народа стало соединение культурного наследия его предков с необходимостью адаптации к природно-климатическим условиям среды его обитания. Привязка этнической идентичности к среде обитания глубоко обоснована методологически. Специфичность функциональной природы этноса по сравнению с иными исторически сложившимися общностями определяется выработанными им и культурно передаваемыми от поколения к поколению способами адаптации к среде своего обитания [Карлов 2014: 7]. Х.К. Геграев, исследовавший этнодемографию Балкарии XIX – начала XX в. в контексте концепции этнической (этнодемографической) адаптации, отмечает, что балкарцы, искони проживающие в условиях горного (высокогорного) ландшафта Центрального Кавказа, являют собой пример достаточно успешной адаптированности к своему этноландшафту [Геграев 2003: 3]. Ограниченное пространство горных теснин определяло территорию, поддерживало политическую общность немногочисленного населения, устанавливало четкое разделение «внутреннего» и «внешнего». Есть основания говорить о «обретении балкарцами своей этнической идентичности как тюрков по языку и как жителей высокогорной части Центрального Кавказа в границах современной территории Кабардино-Балкарии» [Муратова 2007: 364, 83].

В теории этноса этногенез трактуется как начальный этап этнической истории народа, одним из наиболее наглядных рубежей которого выступает возникновение сравнительно устойчивого этнического самосознания и самоназвания у новой общности [Этнос 1995]. На первый взгляд здесь есть определенная проблема, поскольку самоназвание балкарцев *таулу* вошло в обиход значительно позднее XV или XVI вв. Часто цитируемый источник 1743 г. прямо говорит об этом.

«Известия о горских народах, полученные от кабардинских владельцев Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и костиковского владельца Алиша Хамзина» в Коллегии иностранных дел ассессором Бакуниным в 1743 г. перечисляет 7 «народов»: Большая Абаза (абадзехи); шапсо (шапсуги); харачаи (карачаевцы); соны (сваны); «Пятой народ состоит в разных пяти волостях и оным звание свое имеет. А общего всему народу звания нет». Названы «волости» Чегем, Безенге, Хулам, Хусырь, Малкар. Шестым народом назван дюгор (дигор) и седьмым – сюрдигор (стырдигор) [Русско-осетинские... 1976: 36-37].

Н.Г. Волкова в свое время обратила внимание, прежде всего, на сообщение источника об отсутствии среди населения пяти волостей общего самоназвания [Волкова 1973: 90]. Но обращает на себя внимание и другое. Население пяти волостей, не имеющее общего названия, воспринимается соседями – кабардинскими князьями – как один народ. Отдельным от него народом названы карачаевцы. Как отдельные народы обозначены дигорцы и стырдыгорцы. Интересно, что Н.Г. Волкова, указав на неясность в вопросе об этнической принадлежности жителей «волости Хусырь», были ли это тюрки по языку или соседние им осетины и сваны, полагает, что кабардинские князья в своих показаниях отнесли их к балкарским волостям потому, что среди них «могли жить отдельные балкарские фамилии» [Волкова 1973: 94]. Очевидно, «пятой народ» – балкарцы – образовывали в глазах информаторов-соседей этно-социо-территориальную, а не только языковую или «административно-территориальную» общность. Представляется также, что сами балкарцы осознавали эту общность не менее определенно, чем их соседи.

Заключение

Основные компоненты карачаево-балкарского этногенеза – автохтонный кавказский, иранский (сармато-аланский) и тюркский (болгаро-кыпчакский) находились во взаимодействии на протяжении длительного исторического времени. Однако наука не располагает надежными источниковыми данными, позволяющими зафиксировать признаки завершения карачаево-балкарского этногенеза в период до конца XIV – начала XV в.

Завершающая фаза карачаево-балкарского этногенеза приходится на период после разрушения социально-политических структур Аланского царства, а затем и Золотой Орды, когда группы населения, сосредоточенного в высокогорье Центрального Кавказа обрели возможность независимого существования и социально-потестарной самоорганизации.

Оценки этнического состава того демографического базиса, на основе которого сложился балкарский народ, могут несколько варьироваться, но в нем так или иначе сошлись исконно кавказские элементы (потомки кобанцев, сваны?), ираноязычные группы (аланы, дигорцы?), тюркоязычные группы, ранее нашедшие здесь убежище («таулу» этногенетических преданий?), и вновь прибывшие после нашествия Тимура тюркизированные аланы («маджарцы» этногенетических преданий). Дальнейшие исследования могут внести коррективы в эту картину, но это не изменит принципиальную схему этнических процессов, которые протекали в горах и предгорьях Центрального Кавказа издавна, а теперь могли дойти до логического завершения без новых массивных вторжений извне.

Чтобы представлять реальную картину этносоциальных процессов в балкарском высокогорье XV-XVI вв., необходимо помнить замечание В.М. Батчаева о «количественной» стороне дела:

«Поскольку речь у нас идет о ситуации, сложившейся на Центральном Кавказе после кровопролитных войн с монголами, а затем и полчищами Тамерлана, то ясно, что говоря о горцах или маджарцах XV-XVI веков, мы можем подразумевать не огромные массы людей, а лишь очень небольшие по численности группы» [Батчаев 2006: 128].

Завершающая фаза балкарского этногенеза неотделима от одновременных процессов социогенеза и политогенеза в пространстве исторической Балкарии – становления феодальной социально-потестарной организации общества. Специфические черты этой организации были обусловлены ландшафтными и природно-климатическими условиями: в каждом ущелье сложилось самостоятельное общество с завершённой социально-потестарной структурой, а их внутренняя социальная организация определялась во-многом ограниченностью и высокой ценностью земельных ресурсов, а также системой отгонного скотоводства как основной отраслью хозяйства.

Прямого указания на то, с какого момента можно говорить о сложившемся отчетливом этническом самосознании балкарцев, об их «субъективной» этничности, источники не содержат. Но при более широком подходе к вопросу, правомерность исторической фиксации «объективного» существования балкарского народа в пределах особого этно-социо-территориального образования, ставшего впоследствии известным как Балкария, не вызывает сомнений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1992 – *Абаев М.К.* Балкария: Исторический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 40 с.
- Алексеева 1971 – *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). – М.: Наука, 1971. – 356 с.
- Батчаев 1980 – *Батчаев В.М.* Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. – Нальчик, 1980. – С. 79–95.
- Батчаев 1986 – *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.
- Батчаев 1988 – *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск, 1988. – С. 160–177.
- Батчаев 1992 – *Батчаев В.М.* Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ, 1992. – С. 86–99.
- Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: Институт археологии Кавказа, 2006. – 240 с.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- Бромлей 1988 – *Бромлей Ю.В.* Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 41–53.
- В горских обществах... 1884 – В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всева Миллера и Макс. Ковалевского // Вестник Европы. – 1884. – № 4. – С. 540–588.
- Волкова 1973 – *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.
- Волкова 1985 – *Волкова Н.Г.* Этническая история: Содержание понятия // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 16–25.
- Воротынцев 2023 – *Воротынцев Л.В.* На границе великой степи: Контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV вв. – М.: Центрполиграф, 2023. – 317 с.
- Геграев 2003 – *Геграев Х.К.* Этнодемография Балкарии XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 28 с.
- Герасимова 2013 – *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. – 2013. – № 3 (25). – С. 52–71.

История Кабардино-Балкарской... 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции – М.: Наука, 1967. – 482 с.

История народов... 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

История Осетии... 2019 – История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. / Гл. ред. З.В. Канукова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – 498 с.

Карачаевцы. Балкарцы... 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / Отв. редакторы М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 814 с.

Карлов 2014 – *Карлов В.В.* Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // Вестник антропологии. – 2014. – № 2 (28). – С. 6–14.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост. В. К. Гарданов – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / пер. с англ. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 317 с.

Козлов 1967 – *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 100-111.

Козлов 1969 – *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М.: Наука, 1969. – 408 с.

Колесникова, Бабенко 2023 – *Колесникова М.Е., Бабенко В.А.* Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения // *Oriental Studies.* – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267.

Крюков 1976 – *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. – Вып. 6. – М., 1976. – С. 42-63.

Крюков 1988 – *Крюков М.В.* Этногенетические исследования // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, 1988. – С. 59-62.

Куббель 1988 – *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988. – 271 с.

Лавров 2009 – *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.

Материалы... 1888 – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / Под ред. гр. Уваровой. Вып. 1: Терская область: археологические экскурсии Всев. Миллера. – М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888. – 135 с.

Материалы... 1960 – Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – 336 с.

Миллер 1883 – *Миллер Вс.* Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года // ИКОИРГО. – Тифлис, 1883. – Т. 8. – № 1. – С. 198-204.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 420 с.

Осетины глазами... 1967 – Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. – 319 с.

Признаки этнические 1995 – Признаки этнические // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с.

Ртвеладзе 1976 – Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – С. 103–128.

Русско-осетинские... 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х т. Т. I: 1742-1762 гг. / Сост. М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.

Сабанчиев 2017 – Сабанчиев Х.-М.А. Золотая Орда и народы Северного Кавказа // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 64–78.

Селезнев 2009 – Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – 232 с.

Селезнев 2012 – Селезнев Ю.В. Русь – Залесская орда? // Родина. – 2012. – № 9. – С. 124–126.

Такайшвили 1915 – Такайшвили Е.С. Археологические путешествия, разыскания и заметки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1915. – Вып. 44. – Отдел третий. – С. 1-146.

Тизенгаузен 1941 – Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 308 с.

Чеченов 2012 – Чеченов И.М. К истории вторжения войск Тимура в междуречье верховьев Кубани и Терека осенью 1395 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 403–405.

Этнос 1995 – Этнос // Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с.

REFERENCES

АБАЕВ М.К. *Balkariya: Istoricheskij ocherk* [Balkaria: Historical essay]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 40 p. (In Russ.).

АЛЕКСЕЕВА Е.Р. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkessii (Voprosy etnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Ancient and medieval history of Karachay-Cherkessia (Issues of ethnic and socio-economic development)]. – М.: Nauka, 1971. – 356 p. (In Russ.).

БАТЧАЕВ В.М. *Predkavkazskie polovtsy i voprosy tyurkizatsii srednevekovoi Balkarii* [Pre-Caucasian Cumans and the Turkization of Medieval Balkaria]. IN: *Arkheologiya i voprosy drevnei istorii Kabardino-Balkarii*. Iss. 1 [Archeology and questions of ancient history of Kabardino-Balkaria. Iss. 1]. – Nalchik, 1980. – P. 79–95. (In Russ.).

БАТЧАЕВ В.М. *Iz istorii traditsionnoi kul'tury balkartsev i karachaevtsev* [From the history of the traditional culture of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 152 p. (In Russ.).

БАТЧАЕВ В.М. «*My prishli iz Madzhar*»: *fakt ili vymysel?* ["We came from the Majars": fact or fiction?]. IN: *Voprosy srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza* [Issues of Medieval Archeology of the North Caucasus]. – Cherkessk, 1988. – P. 160–177. (In Russ.).

БАТЧАЕВ В.М. *Madzhartsy (k probleme zolotoordynskogo etapa istorii Severnogo Kavkaza)* [Madjars (to the problem of the Golden Horde stage of the history of the North Caucasus)]. IN: *Problemy etnografii osetin* [Problems of ethnography of Ossetians]. – Vladikavkaz, 1992. – P. 86–99. (In Russ.).

БАТЧАЕВ В.М. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. – М.: Institut arheologii Kavkaza, 2006. – 240 p. (In Russ.).

БРОМЛЕЙ Ю.В. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. – М.: Izd-vo Nauka, 1983. – 412 p. (In Russ.).

БРОМЛЕЙ Ю.В. *Teoriya etnosa* [Theory of Ethnos]. IN: *Etnografiya i smezhnye discipliny. Etnograficheskie subdiscipliny. Shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and Related

Disciplines. Ethnographic Subdisciplines. Schools and Directions. Methods]. – М.: Nauka, 1988. – P. 41-53. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K istorii vtorzheniya voisk Timura v mezhdurech'e verkhov'ev Kubani i Tereka osen'yu 1395 g.* [On the history of the invasion of Timur's troops in the interfluvium of the upper reaches of the Kuban and the Terek in the autumn of 1395.]. IN: *Noveishie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (g. Makhachkala, 23–28 aprelya 2012 g.) / Otv. red. M.S. Gadzhiev* [The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov readings: materials of the international. scientific conf. (Makhachkala, April 23–28, 2012) / Managing ed. M.S. Gadzhiev]. – Makhachkala: Mavraev, 2012. – P. 403–405. (In Russ.).

Etnos [Ethnos]. IN: *Etnicheskie i etno-social'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov* [Ethnic and ethno-social categories: Collection of ethnographic concepts and terms]. Iss. 6. – М.: IEA RAN, 1995. – 216 p. (In Russ.).

GEGRAEV Kh.K. *Etnodemografiya Balkarii XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnodemography of Balkaria XIX – early XX century: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik: KBGU, 2003. – 28 p. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. *K voprosu o proiskhozhdenii balkartsev* [On the origins of Balkars]. IN: *Vestnik antropologii.* – 2013. – No. 3 (25). – P. 52–71. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 2-h t. [History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the present day: in 2 vol.]. T. 1. *Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* [Vol. 1. History of the Kabardino-Balkarian ASSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution]. – М.: Nauka, 1967. – 482 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochnitsky [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century / Managing editor A.L. Narochnitsky] – М.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Istoriya Osetii: V 2-h tomah. T. 1. Istoriya Osetii s drevnejshih vremen do konca XVIII v. / Gl. red. Z.V. Kanukova [History of Ossetia: In 2 vol. Vol. 1. History of Ossetia from ancient times to the end of the 18th century / Ed. Z.V. Kanukova]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2019. – 498 p. (In Russ.).

Karachaevtsy. Balkartsy / Otv. redaktory M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev [Karachays. Balkars / Managing editors M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev]. – Moscow: Nauka, 2014. – 814 p. (In Russ.).

KARLOV V.V. *Etnos i etnokul'turnye protsessy v epokhu globalizatsii* [Ethnos and ethnocultural processes in the era of globalization]. IN: *Vestnik antropologii.* – 2014. – No. 2 (28). – P. 6–14. (In Russ.).

KLAPROT G.-YU. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808]. IN: *Adygi, balkarcy, karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII-XIX vv. / Sost. V. K. Gardanov* [Adyghe, Balkars, Karachays in the reports of European authors of the 13th-19th centuries / Comp. V.K. Gardanov] – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russ.).

KLAPROT YU. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah po prikazaniyu russkogo pravitel'stva YUliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d. / per. s angl. K.A. Mal'bahov* [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 by order of the Russian government by Julius von Klaproth, court adviser to His Majesty the Emperor of Russia, member of the Academy of St. Petersburg, etc. / translated from English by K.A. Malbachov]. – Nal'chik: El'-Fa, 2008. – 317 p. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E., BABENKO V.A. *Pokhody armii Tamerlana v Tsentral'noe Predkavkaz'e v 1395–1396 gg. (lokalizatsiya, problemy izucheniya)* [Campaigns of Tamerlane's army in the Central Ciscaucasia in 1395–1396. (localization, problems of studying)]. IN: *Oriental Studies.* – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – P. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267. (In Russ.).

KOZLOV V.I. *O ponyatii etnicheskoy obshchnosti* [On the concept of ethnic community]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1967. – No. 2. – P. 100-111. (In Russ.).

KOZLOV V.I. *Dinamika chislennosti narodov. Metodologiya issledovaniya i osnovnye factory* [Dynamics of the population of nations. Research methodology and main factors]. – M.: Nauka, 1969. – 408 p. (In Russ.).

KRYUKOV M.V. *Evolyuciya etnicheskogo samosoznaniya i problema etnogeneza* [Evolution of ethnic self-awareness and the problem of ethnogenesis]. IN: *Rasy i narody*. – Is. 6. – M., 1976. – P. 42-63. (In Russ.).

KRYUKOV M.V. *Etnogeneticheskie issledovaniya* [Ethnogenetic studies]. IN: *Etnografiya i smezhnye discipliny. Etnograficheskie subdiscipliny. Shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and related disciplines. Ethnographic subdisciplines. Schools and directions. Methods]. – M.: Nauka, 1988. – P. 59-62. (In Russ.).

KUBBEL L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. – M.: Nauka, 1988. – 271 p. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev* [Selected works on the culture of the Abaza, Circassians, Karachays, Balkars]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. – 556 p. (In Russ.).

Materialy po arheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva / pod red. gr. Uvarovoj. Vyp. 1: Terskaya oblast': arheologicheskie ekskursii Vsev. Millera [Materials on the archeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society / edited by gr. Uvarova. Issue 1: Terek region: archaeological excursions of Vsev. Miller]. – M.: tip. A. I. Mamontova i K^o, 1888. – 135 p. (In Russ.).

Materialy nauchnoj sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22-26 iyunya 1959 g.) [Proceedings of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachay peoples (June 22-26, 1959)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 336 p. (In Russ.).

MILLER VS. *Soobshchenie o poezdke v Gorskije obshchestva Kabardy i v Osetiyu letom 1883 goda* [Report on a trip to the Mountain Societies of Kabarda and Ossetia in the summer of 1883]. IN: *IKOIRGO*. – Tiflis, 1883. – Vol. 8. – No. 1. – P. 198-204. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. – Nalchik: El'- Fa, 2007. – 420 p. (In Russ.).

Osetiny glazami russkih i inostrannyh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.) / Sost. B. A. Kaloev [Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (13th-19th centuries) / Comp. B. A. Kaloev]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 319 p. (In Russ.).

Priznaki etnicheskije [Ethnic characteristics]. IN: *Etnicheskie i etno-social'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov* [Ethnic and ethno-social categories: A collection of ethnographic concepts and terms]. – Iss. 6. – M.: IEA RAN, 1995. – 216 p. (In Russ.).

RTVELADZE E. V. *O pokhode Timura na Severnyy Kavkaz* [About Timur's campaign in the North Caucasus]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik. T. IV / Otv. red. V.B. Vinogradov* [Archaeological and ethnographic collection. Vol. IV / Managing ed. V.B. Vinogradov]. – Grozny: Chcheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – P. 103-128. (In Russ.).

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII veke. Sbornik dokumentov v 2-h t. T. I: 1742-1762 gg. / Sost. M.M. Bliev [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Collection of documents in 2 volumes. Vol. I: 1742-1762 / Comp. M.M. Bliev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1976. – 512 p. (In Russ.).

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Zolotaya Orda i narody Severnogo Kavkaza* [Golden Horde and the peoples of the North Caucasus]. IN: *Voprosy istorii*. – 2017. – No. 10. – P. 64-78. (In Russ.).

SELEZNEV YU.V. *Elita Zolotoj Ordy* [Elite of the Golden Horde]. – Kazan': Izdatel'stvo «Fen» AN RT, 2009. – 232 p. (In Russ.).

SELEZNEV YU.V. *Rus' – Zales'skaya orda?* [Rus' - Zales'skaya Horde?]. IN: *Rodina*. – 2012. – No. 9. – P. 124-126. (In Russ.).

TAKAJSHVILI E.S. *Arheologicheskie puteshestviya, razyskaniya i zametki* [Archaeological travels, research and notes]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of the localities and tribes of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya Kancelyarii Namestnika Ego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze i K. Kozlovskogo, 1915. – Iss. 44. – Part 3. – P. 1-146. (In Russ.).

TIZENGAUZEN V. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Vol. II. Extracts from Persian writings]. – М. – Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 308 p. (In Russ.).

V gorskih obshchestvah Kabardy. Iz puteshestviya Vsev. Millera i Maks. Kovalevskogo [In the mountain societies of Kabarda. From the travels of Vsev. Miller and Max. Kovalevsky]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1884. – No. 4. – P. 540-588. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etonimiy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. – М.: Nauka, 1973. – 208 p. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etnicheskaya istoriya: Soderzhanie ponyatiya* [Ethnic History: Content of the Concept]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1985. – No. 5. – P. 16-25. (In Russ.).

VOROTYNCEV L.V. *Na granice velikoj stepi: Kontaktnye zony lesostepnogo pogranich'ya YUzhnoj Rusi v XIII – pervoj polovine XV vv.* [On the border of the great steppe: Contact zones of the forest-steppe borderland of Southern Rus' in the 13th – first half of the 15th centuries]. – М.: Centrpoligraf, 2023. – 317 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors:

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025 г.; принята к публикации 27.09.2025 г.

The article was submitted 09.04.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.